

Дело о странном доме

Отдел „Тихий ужас“

Сергей Диковинный

Сергей Диковинный

Дело о странном доме

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Дело о странном доме / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Улица Пожарная, дом 11 — последний дом на квартале. Все остальные уже снесены. Стоит он один, серый, двухэтажный, с деревянной лестницей и с печной трубой, из которой дважды в день идёт дым, хотя печей в доме давно нет. По документам дом расселён. По факту в нём кто-то живёт. Плиту выключает, лампочку в подъезде меняет, обувь у двери вытирает. И не уходит. Снос запланирован на конец месяца. Подрядчик — фирма «Пожарная-Строй». Документы в порядке, жильцов нет, ордер выписан. Формально — вопрос решённый. Только вот на площадке второй месяц ломается техника. Экскаватор глохнет. Кран отказывается поднимать стрелу. Бетономешалка вдруг месит воду вместо раствора. А по ночам в доме горит свет — в окне на втором этаже, там, где никогда никого не было. Отдел номер семь едет смотреть. Простая задача: выяснить, кто там, и попросить выйти. Выясняется простое: там домовой. Старый, усталый, вежливый. И он не хочет уходить.

Содержание

Глава 1. Дом, в котором горит свет	5
Глава 2. Кухня, чай и разговор со свечой	8
Глава 3. Тетрадь, наличник и двадцать тритёти Таси	11
Глава 4. Разговор в доме, разговор в мэрии	15
Глава 5. Наличник	18
ЭПИЛОГ. Тетрадь и наличник	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дело о странном доме

Глава 1. Дом, в котором горит свет

Пожарная, дом 11, стоял один.

Улица Пожарная давно перестала быть улицей. Из восемнадцати домов остались фундаменты, кучи битого кирпича, три выживших тополя и один фонарный столб, который горел через вечер и никогда — по расписанию. Жильцов расселили в марте, дома снесли в апреле-июне, последние две недели на площадке стояла тишина, как в соборе.

Кроме дома 11.

По документам дом 11 был расселён в феврале. Две квартиры. В первой жила тётя Клава — с двумя кошками и одним телевизором. Во второй — семья Портновых, четверо, все уехали в разные места. По документам — дом пустой. По подъездному счёту — дом отапливался. Об этом впервые сказал не слесарь, а сам бухгалтер Теплосети, когда пришёл домой и рассказал жене:

— Представляешь, Пожарная, 11 — снимают в месяц сорок два куба. А там никто не живёт.

Жена сказала: ну и что. Бухгалтер сказал: а то, что мы не начисляем. Несуществующий лицевой счёт оплачивается. Каждый месяц. Кто-то платит. Через отделение на Восстания.

Жена сказала: ну и что.

Бухгалтер сказал: а то, что я это уже третий год вижу. И никто на это не смотрит.

Жена сказала: а ты смотри.

Он посмотрел. И написал заявление. Заявление по инстанции попало в отдел номер семь.

К нему приложили ещё материалы: раздел сноса по контракту, отчёт подрядчика, объяснительные трёх рабочих. Рабочие объясняли коротко, однотипно, и очень по-человечески.

Первый объяснял так: «Экскаватор глохнет. Приезжал Иван Кузьмич, чинить не смог. Сказал: Не буду я такое чинить. Я такое не понимаю. Ушёл. Не вернулся».

Второй объяснял так: «Кран не поднимает стрелу. Никаких причин нет. Всё в порядке. Просто не поднимает. Как будто стыдно ему».

Третий объяснял так: «Я пришёл утром, а на первом этаже на кухне свет горит. Ключей у меня нет. Я проверил — окно было закрыто. Свет горит. Я выключил. Ушёл. Вернулся — снова горит. Ну я перестал выключать».

Орлов читал это в понедельник утром.

Он был в рубашке. Воротник был выглажен с точностью до миллиметра, и это само по себе успокаивало отдел. Муромцев лежал на диване. Синичкина раскладывала материалы по стопкам. Кулибин паял. Дроздов листал телефон и комментировал вслух — «ни фига себе, ребята, светит лампа на втором этаже, а внизу тётушка гладит коврики». Громобоев стоял в дверях с папкой и повторял «да что там может быть, просто бомжи».

Тимофей сидел на подоконнике, рядом с геранью, и не реагировал на происходящее.

До одного места.

Орлов прочёл вслух третий рапорт.

— «На первом этаже на кухне свет горит».

Тимофей — поднял уши.

Никто этого не заметил. Кроме Муромцева, который лежал с закрытыми глазами и уже открыл один.

— «Свет горит», — повторил Орлов.

Тимофей встал.

Он встал тихо, спокойно, на все четыре лапы. И пошёл к двери. И сел у двери.

В отделе повисла тишина.

— Он что, — сказал Дроздов, — с нами?

— Похоже, — сказал Муромцев.

Орлов посмотрел на кота. Кот посмотрел на Орлова. Взгляд был простой: «ну, вы собираетесь или нет?»

— Едем, — сказал Орлов.

Выехали через сорок минут. Кот — на своём месте, в машине, у окна. Дроздову выдали талон на кошачью переноску, но кот в переноску не пошёл. Он ехал сидя. Как человек.

Пожарная, 11, показался издалека. Улица была пустая, солнце садилось, и в этом свете дом выглядел как на старом фото: серый, двухэтажный, с деревянной лестницей, с железной трубой. Из трубы шёл тонкий дым.

В окне второго этажа горела лампа.

Экскаватор стоял на другой стороне улицы, повёрнутый к дому боком, будто смущённо. Гусеница была продавлена в землю — не как обычно, а слабо, будто машина уселась сама.

Подрядчик ждал у машины. Подрядчику было тридцать пять. Он собирался быть вежливым и уже заранее злился, потому что вежливость при посторонних давалась ему тяжело.

— Значит, так, — сказал он, — я вам всё покажу. Дом пустой. Всё чисто. Ну да, свет мигает. Ну да, экскаватор глохнет. Но это всё объясняется. У нас тут кабель под землёй, я думаю, магнитные поля, и всё такое. Это не по вашей части.

— По нашей, — сказал Орлов.

— Почему?

— Потому что у вас оплачивается лицевой счёт, — сказал Орлов. — Которого нет.

Подрядчик моргнул.

— Какого счёта?

— Лицевого.

— Не знаю такого, — сказал подрядчик.

— И я, — сказал Орлов. — Пока.

Он пошёл к дому.

Синичкина пошла с ним. Кулибин — с прибором. Муромцев — обычно, посреди. Дроздов — с телефоном. Громобоев — сзади, с фуражкой в руке, потому что внутри дома полагалось снять, а он заранее привык, что придётся.

Дракон разложил у машины свой столик. Не пошёл в дом. Сказал:

— Я подожду здесь. У меня есть вопросы к бумагам.

Он раскрыл папку «1953» — тонкую, серую, с выцветшей наклейкой.

Тимофей пошёл с группой. Он шёл впереди всех. Спокойно. Как будто знал дорогу.

Дверь была не заперта.

Они вошли.

Внутри пахло печкой. И чаем. И старым деревом. И — немного — пылью.

На первом этаже на кухне горел свет.

Глава 2. Кухня, чай и разговор со свечой

Кухня была маленькая. Такие кухни бывают в старых домах: шесть квадратов, стол у окна, клеёнка с цветочками, на плите — эмалированный чайник, который свистит, когда захочет. На стене — календарь. Слева от плиты — полка. На полке — три кружки, одна с трещиной. Всё было прибрано. Не «недавно прибрано». Просто прибрано. Давно, регулярно, каждый день.

На столе стояла керосиновая лампа.

За столом, на табурете, спиной к ним, сидел человек.

Он был небольшой. Плечи узкие, спина сгорбленная. Седые волосы собраны на затылке в короткий хвостик. Ватник на нём был старый, выцветший до цвета старой бумаги. На ногах — валенки, хотя на улице июль.

Он не оглянулся, когда они вошли. Он взял с плиты чайник, налил себе в кружку с трещиной и сказал спокойно, будто продолжал давно начатый разговор:

— Сахар на второй полке. Ложки в ящике. Наливайте. Молока нет — не держу.

Орлов посмотрел на Синичкину. Синичкина — на Муромцева. Муромцев — на кота. Кот уже прошёл мимо стола, вспрыгнул на подоконник, сел в уголке и стал смотреть на домового, как будто ждал ответа на вопрос, который он ему задал ещё в отделе.

Домовой налил себе чай. Отхлебнул. И только потом обернулся.

Он был седой. Борода — мочало. Глаза — добрые, усталые, как у человека, который устал не от работы, а от того, что приходится работать одному. На лице — сетка мелких морщин. Одна бровь чуть выше другой — не от природы, а потому что когда-то давно он поднимал её слишком часто.

Он посмотрел на вошедших по очереди. На Орлова. На Синичкину. На Кулибину. На Муромцева. Только на Громобоева — дважды, чуть внимательнее, будто вспоминал что-то.

Потом сказал:

— Майор. Следователь. Криминалист. Капитан. Полковник. — Он кивнул каждому. — Ну я так и думал, что до вас дойдёт.

— А как вы... — начала Синичкина.

— По виду, — сказал домовый. — У вас, у людей, вид всегда говорит больше, чем бумага. У майора воротник — глаженный. У следователя ручка за ухом. У криминалиста — прибор. У капитана — плечи в дверь не пролезли. У полковника форма в плечах тесна — он это сам знает, ему неловко, он фуражку в руках держит. У меня глаз намётанный. Я тридцать лет смотрю, как в этот дом люди входят и выходят.

— Тридцать? — переспросил Орлов.

— С пятьдесят третьего, — сказал домовый.

Он поставил кружку. Встал. Пошёл к плите. Открыл дверцу. Внутри было пусто.

— Печка у меня не работает, — сказал он. — Я её топлю, но она не греет. То есть греет, но не туда. Я дымом занимаюсь. Дым — в трубу. Труба есть. Дыма нет.

Он закрыл дверцу. Обернулся.

— Простите. Я забыл представиться. — Он чуть наклонил голову. — Фёдор Кузьмич. Домовой. Дом 11.

На кухне стало слышно, как тикает маленький будильник на полке.

— Фёдор Кузьмич, — сказал Орлов. — Мы пришли поговорить.

— Слушаю.

— Вы в курсе, что дом под снос?

— В курсе. — Домовой сел на табурет. — Ровно с апреля. С тех пор, как на площадку приехал этот экскаватор. Он мне не мешает, но он мне и не по нраву.

— Почему?

— Стоит. Тычет. Землю портит. И стрела у крана не поднимается. — Он посмотрел на Орлова. — Я её, конечно, не держу. Она сама. Что-то у них там не в порядке по совести.

— По совести?

— По совести, — сказал домовый. — У вас, у людей, есть совесть, у меня — совесть дома. Один и тот же корень, но устроен по-разному.

Он снова взял свою кружку.

Синичкина осторожно села на второй табурет. На третий — Муромцев. Орлов остался стоять у двери. Кулибин присел на корточки у плиты и стал смотреть на неё, как учёный на экспонат. Дроздов замер с телефоном, но не снимал — рука сама опустилась. Громобоев стоял в дверном проёме. Он был полковник, он был тут для порядка, он был тот, кто произносит «так» и «продолжайте» — но тут он молчал. Совсем молчал.

Домовой посмотрел на него.

— Полковник.

— Я.

— Вы не бойтесь. Я тут не для страха.

— Я не боюсь, — сказал Громобоев.

— Бойтесь, — сказал домовый. — По лицу вижу. Вы не меня бойтесь. Вы боитесь, что я окажусь настоящим. Потому что если я настоящий, то надо решение принимать, а решение принимать — это вам. Вы у нас полковник.

— Да, — сказал Громобоев.

Он сказал это так, что никто не засмеялся.

Домовой отхлебнул чай.

— Значит, так, — сказал он. — Скажу по-простому. Я тут один. Один давно. С пятьдесят третьего года. Тогда дом был новый, улица была целая, и печка топилась. Я был не один. Была тётя Тася с первого этажа. Был Кузьма Иванович, сантехник. Был мальчик Гера — он потом уехал в Ленинград, инженером стал. Мне про него

иногда пишут в тетради. — Он кивнул в сторону полки, где стояла тонкая тетрадь в клетку.

— Кто пишет?

— Он, — сказал домовый. — Не сам. Внучка его. Она мне раз в год пишет. Пишет, что у них всё в порядке, что Гера умер в восемьдесят четвёртом, что у него было двое детей, а теперь есть правнучка. Пишет аккуратно. На бумаге. Я за это её очень люблю.

— И много тетрадей? — спросил Орлов.

— Много, — сказал домовый. — Больше тридцати.

— Значит, вас тут держит не стена, — сказал Орлов медленно.

— Меня тут держит тетрадь, — сказал домовый. — И дом. Дом и тетрадь — это одно.

— А если дом снесут?

— Если дом снесут, — сказал домовый спокойно, — тетрадь никуда не денется. Тетрадь — у меня. Но дом — исчезнет. И вот тут начинается самое неприятное.

— Что же?

— То, Фёдор Кузьмич? — спросил он у самого себя. — А то, что дом, который стоял на углу Пожарной и держал двадцать три семьи — с сорок седьмого по две тысячи двадцатый, — перестанет вообще существовать. Не в кирпичах. В памяти. Город будет помнить, что тут был квартал. А что тут был именно этот дом, с этой лестницей, с этими окнами, с этой печкой, с тётей Тасей, с Кузьмой Ивановичем, с мальчиком Герой, с резной наличник на втором этаже — вот этого никто не запомнит. Потому что некому.

— А вы?

— А я — не память города, — сказал домовый. — Я — память дома. Когда дома не станет, я стану безработный. Тогда меня не будет. Это не угроза, это причина.

— И вы не хотите... — начала Синичкина.

— Хочу, — сказал домовый. — Не хочу. Хочу. Не знаю. Мне с 1953-го не приходилось решать такие задачи. Раньше как было: приходили новые жильцы, я привыкал. Приходили новые, я привыкал. Ушли — я жду. А тут — и дом сносят, и никто не приходит. И у меня впервые в жизни — пусто.

Он поставил на стол кружку.

— Хотите чаю? — сказал он. — Чай есть.

— Есть, — сказал Муромцев и впервые за вечер подал голос.

Домовой посмотрел на него.

— Капитан.

— Муромцев.

— Хорошо. — Домовой кивнул. — Капитан Муромцев. Я вас видел. Не сегодня. Раньше. Вы у нас во дворе сидели. В две тысячи девятнадцатом. На лавочке. С кошкой.

Муромцев медленно сел прямее.

— Какой кошкой?

— Серой, — сказал домовый. — Большой. С такими же усами, как у вас. Хорошая кошка была. Ушла в двадцатом. Весной.

Муромцев ничего не сказал. Муромцев сел ещё прямее. Это было очень большое движение.

А Тимофей в углу подоконника впервые за всё время — опустил уши.

Он не испугался.

Он — задумался.

Глава 3. Тетрадь, налiчник и двадцать тритёти Таси

Дракон вошёл в дом через двадцать минут.

Он вошёл не как человек, а как дракон, у которого в лапах папка и который не любит, когда его торопят. Он переступил порог, снял шляпу — шляпу он надел, чтобы не выделяться на улице, но во дворе её не было, на улице тоже — значит, он её надел специально для входа в дом, из уважения. Уважение у него было устроено так.

В доме он сразу повернул на кухню. Постоял на пороге. Посмотрел на домового. Домовой посмотрел на него.

— Аристарх Гекторович, — сказал домовой.

Дракон чуть не выронил папку.

— Вы меня знаете?

— Я знаю всех, кто в этот дом входил, — сказал домовой. — Вы входили. В пятьдесят третьем. Через три дня после открытия.

— Я не помню, — сказал дракон тихо.

— Все не помнят, — сказал домовой без укора. — Вы пришли, посмотрели, сказали «хорошо». И ушли. Вы были в плаще. С портфелем. Вы в тот день были очень усталый.

Дракон стоял молча.

Потом медленно снял пенсне. Протёр. Надел. Посмотрел на папку в своих лапах — серую, тонкую, с выцветшей наклейкой «1953».

Потом сел на свободный табурет. Это было большое движение для дракона — он обычно не садился без приглашения.

— Фёдор Кузьмич, — сказал он. — У меня к вам вопрос.

— Задавайте.

— Вы согласны, чтобы я прочитал вслух то, что у меня в папке?

Домовой подумал.

— Читайте, — сказал он. — При всех.

Дракон раскрыл папку.

Внутри лежали три документа. Первый — распоряжение о строительстве, с датой «1950». Второй — акт приёмки дома 11, с датой «1953», с подписями. Третий — тонкая, почти прозрачная страница, машинописная, без подписи.

— Первое, — сказал дракон. — Постановление. «В целях восстановления жилого фонда города Тихогорска и создания типового квартала малоэтажной застройки — построить на улице Пожарной двухэтажный дом на четыре квартиры по проекту номер двенадцать-бис». Проект двенадцать-бис — это тот, по которому потом построили ещё восемнадцать домов. В том числе все, что уже снесены.

— Значит, наш дом первый? — спросила Синичкина.

— Первый, — сказал дракон. — Образец. С которого весь квартал списан. Все восемнадцать домов Пожарной — это его копии.

— Кроме одной детали, — сказал дракон. — Проект двенадцать-бис предусматривает глухую стену на втором этаже, без наличника. Здесь наличник есть. Резаный. С орнаментом. Это не по проекту.

— Это по-моему, — сказал домовый тихо.

Все обернулись.

— Что — по-вашему?

— Наличник, — сказал домовый. — Его ставил не проектировщик. Его ставил плотник Пётр Егорович Мамин. Он жил на первом этаже, во второй квартире, с женой и с сыном. Он его поставил сам, ночью, чтобы никто не видел. Он сказал мне — тихонько, — что «дом без наличника — как человек без шапки». И поставил.

— А вы?

— А я — дал ему пилу, — сказал домовый. — Взял у соседа. На время.

Дроздов засмеялся — негромко, невольно, тут же прикрыл рот рукой. Никто его не остановил.

— Второй документ, — сказал дракон. — Акт приёмки. Дата — двенадцатое июля пятьдесят третьего. Подписи — комиссия в составе пяти человек. И ещё одна подпись, отдельно.

— Чья? — спросил Орлов.

— Петра Егоровича Мамина, — сказал дракон. — С пометкой: «Прошу считать дом принятым, в том числе и по наличнику».

— А что, — сказала Синичкина, — так было можно?

— Нет, — сказал дракон. — Но у него получилось.

— А третий документ?

Дракон взял тонкий, почти прозрачный лист. Поднял к лампе. Прочитал вслух.

— «Справка. Четырнадцатое июля пятьдесят третьего года. В доме 11 по улице Пожарной произошло возгорание в квартире номер 1. Пожар начался в четыре часа тридцать минут утра. Жильцы не пострадали. Причина — короткое замыкание в электропроводке. Очаг — кухня».

Дракон опустил лист.

— Вот тут, — сказал он, — интересное.

Он перевернул справку. На обороте, рукой, синими чернилами, было написано коротко:

«Все вышли. Дверь открыл кто-то изнутри. Очевидцев нет. Ключ был у Мамина. Мамин спал. Ключ — на месте. Кто открыл — непонятно. Пожарные приехали через одиннадцать минут. Огонь остановился на кухне. В квартире второй этажа — люди, двое, спали. Разбудил стук в стену. Кто стучал — не установлено».

На кухне стало совсем тихо. Даже будильник на полке — и тот, казалось, притих.

— Фёдор Кузьмич, — сказал Орлов.

— Да.

— Это вы.

— Я, — сказал домовый.

Он сказал это без гордости. Просто как человек, который говорит «да, это я поднял мешок, когда он упал».

— Вы разбудили вторую квартиру?

— Разбудил. Постучал в стену. Три раза. Я знал, что они проснутся: у них был ребёнок маленький, они чутко спали.

— А дверь?

— Дверь я открыл, — сказал домовый. — Но не снаружи. Я открываю изнутри. Это как печку топить — я умею, а как объяснить, не знаю. Мамин спал, ключ был у него под подушкой. Я не взял ключ. Я обошёл. Дверь открылась. Люди вышли.

— И дом не сгорел.

— И дом не сгорел. — Домовой посмотрел на дракона. — Это записали в справку. Больше нигде это нигде.

— Значит, — сказал Орлов, — если дом сносится, то сносится не просто жилой дом. Сносится первый дом квартала. С резным наличником. С пожаром пятьдесят третьего. С людьми, которых он спас.

— Да, — сказал домовый. — И потому — с тетрадью. Потому что тетрадь — это одна из вещей, которая держится вокруг дома. Если дома не будет, я буду держать тетрадь, но она не будет держать меня. Понимаете?

— Понимаю, — сказал Орлов.

Он сел.

Наступила пауза. Тихая. Рабочая. Как бывает на совещании, когда все всё поняли, но никто не знает, что делать.

И тогда в дверях кухни раздался голос.

— Так.

Все обернулись.

В проёме стоял Громобоев.

Он всё это время стоял в дверях. Он был полковник. Он держал фуражку в руках. Форма на нём была чуть тесна в плечах — как всегда. Лицо у него было красноватое — как всегда. Лоб влажный — как всегда.

Он прошёл в кухню.

Он подошёл к столу. Он сел на свободный табурет — тот, который до этого стоял пустой. Он был полковник. Он имел право сесть.

Он поставил фуражку на стол. Посмотрел на домового.

И сказал:

— Фёдор Кузьмич.

— Да.

— У меня к вам один вопрос.

Домовой посмотрел на него. Точно так же, как смотрел на всех — спокойно, внимательно, будто читал его лицо, как читают документ.

— Задавайте, — сказал домовый.

Громобоев помолчал.

Потом спросил:

— Если мы сохраним дом — вы останетесь?

Это был правильный вопрос. Первый правильный вопрос за весь вечер. И все это поняли сразу.

Домовой смотрел на Громобоева долго.

Потом сказал — тихо:

— Я останусь, — сказал он. — Я останусь, даже если дом сохранят не весь. Мне нужен один этаж. Одна комната. Одно окно. Одна труба. Этого хватит.

— Одно окно? — переспросил Громобоев.

— Одно.

Он добавил:

— Я не жадный.

Громобоев кивнул.

Он встал. Взял фуражку. Надел. Повернулся к Орлову.

— Майор.

— Я.

— Думай.

— Думаю, — сказал Орлов.

Громобоев вышел.

Он вышел на крыльцо, сел на ступеньку, снял фуражку и закурил. Он курил нечасто, и в этот раз, если бы кто-то его увидел, он бы сказал: «После пожара. Один. Не считается». Никто его не видел. Никто не пришёл.

Кроме кота.

Тимофей вышел на крыльцо. Сел рядом. С другой стороны ступеньки. Спина к Громобоеву, как будто между ними было что-то вроде договора: «ты куришь, я сижу, никто никого не трогает».

Они сидели так долго.

Потом Громобоев сказал — не коту, а так, воздуху:

— Понимаешь, кот. Я тридцать лет сносом командовал. Всё под снос шло. Один раз только — не снес. И вот сейчас второй раз. И я вот думаю: если сейчас не снести — то кто это решит? Кто бумагу подпишет?

Домовой ничего не сказал. Кот тоже.

Громобоев докурил. Встал. Пошёл к машине.

За ним — кот.

Глава 4. Разговор в доме, разговор в мэрии

Утром в отделе собрались к семи.

Орлов был в белой рубашке. Муромцев — на диване, помятый, как всегда, но с блокнотом. Синичкина — с двумя папками, потому что одна уже была полна. Кулибин — с прибором, который он больше не включал, потому что прибор, по его словам, «в этом деле был бы лишним». Дроздов — с телефоном, на котором лежал открытый календарь с отметкой «Пожарная, 11 — конец месяца». Громобоев — в дверях, но на этот раз без фуражки. Сказал — «я тут посижу, если что». Это была большая уступка.

Тимофей сидел на подоконнике. Рядом с геранью. Он больше не смотрел в стену. Он смотрел в окно — на машину.

Дракон сидел в углу. Пришёл сам, без приглашения. Сказал: «По делу 9 — я сторона. По делу 6 — я уже. Тут — третье.»

— Итак, — сказал Орлов. — Есть три варианта.

Он разложил на столе три листка.

— Первый. Дом сносится по графику. Контракт исполняется. Формально — всё чисто. Неформально — мы теряем первый дом квартала, домового, тетрадь, историю пятьдесят третьего года и... — он помолчал, — очень много чего ещё.

— Второй, — сказал дракон, не дожидаясь, пока его попросят.

— Второй. Дом признаётся объектом культурного наследия. Это долго — экспертиза, комиссия, сроки. У нас три недели. Не успеть.

— Третий, — сказала Синичкина. — Промежуточный.

— Да, — сказал Орлов. — Промежуточный.

Он выложил на стол четвёртый лист.

— Муниципальный выкуп доли. Мы не сохраняем дом целиком. Мы сохраняем его часть. Один этаж. Одну квартиру. Одно окно. Один наличник. Остальное — снос по графику, по проекту, с соблюдением всех документов.

— И домовый там останется? — спросил Дроздов.

— Домовой останется там, — сказал Орлов, — если сохранится та часть дома, которая его держит. По словам самого Фёдора Кузьмича — ему нужно одно окно и одна труба. Трубу мы оставляем в проекте. Окно — тоже. Наличник — тоже.

— А дом тогда — это что? — спросила Синичкина. — Что это будет за дом, если от него останется одна квартира?

— Это будет, — сказал дракон, — тот же дом. Просто меньше.

Он раскрыл свою серую папку.

— У меня есть справка, — сказал он. — От архитектора Мамина, внука того самого Петра Егоровича. Он жив, ему восемьдесят два, он живёт в Новочеркасске, и он мне вчера ответил по телефону. Он сказал: «Спасибо, что позвонили. Дед говорил, что наличник — это важно. Я всю жизнь думал, что он про шапку. Оказалось — не про шапку».

— Что он ответил конкретно? — спросил Орлов.

— Он согласен. — Дракон положил на стол ещё одну бумагу. — Он даёт согласие как представитель семьи. Он говорит: сохраните наличник и трубу — и считайте, что дом стоит.

— Осталось, — сказал дракон, — уговорить город.

— Значит, — сказал Орлов, — идём в мэрию.

— К кому? — спросила Синичкина.

Орлов посмотрел на Громобоева.

Громобоев помолчал. Потом сказал:

— К Кириллову. Заместитель по строительству. Он из наших. Он сам вырос на Пожарной.

— Он с Пожарной? — спросил Дроздов.

— Пожарная, четырнадцать, — сказал Громобоев. — Его дом снесён три года назад. Он на сносе присутствовал лично. Приезжал, стоял. Ничего не сказал. Уехал.

— Он в итоге под какой пойдёт? — спросил Орлов.

— Не знаю, — сказал Громобоев. — Он тогда, в двадцатом, мне в машине сказал одну вещь. «Я бы вернулся, но дома уже нет». И всё.

— Значит, — сказал Орлов, — сначала — Кириллов.

— А домовый? — спросила Синичкина.

— А домовый — с нами, — сказал Орлов. — В папке. В виде справки. В виде фото. В виде истории. Домового нельзя привезти в мэрию. Но за него можно говорить.

— И я буду говорить, — сказал дракон.

— Вы? — удивился Дроздов.

— Я сторона, — сказал дракон. — И я в этом доме уже был. В пятьдесят третьем. Мне однажды надо довести это дело до конца.

Он встал.

Дроздов встал тоже. Потом Синичкина. Потом Кулибин. Муромцев — отложил блокнот, сел прямо, медленно встал. Громобоев остался сидеть. Как всегда.

Орлов надел пиджак. Посмотрел на кота.

— Ты с нами?

Тимофей посмотрел на него.

И — впервые за всю серию — прыгнул с подоконника и пошёл к двери первым.

— Он с нами, — сказал Муромцев.

— Пусть будет, — сказал Орлов. — Общественное мнение.

— Кстати, — сказал Дроздов. — А у нас есть фотография домового?

— Нет, — сказал Кулибин.

— А дом? — спросил Орлов.

— Дом — есть, — сказал Дроздов. — Я вчера снял. Дом, крыльцо, окно с лампой, наличник. И...

— Что?

— И кота, — сказал Дроздов. — На перилах. И — как бы это сказать — рядом с ним.

— С кем?

Дроздов показал телефон.

На фото: перила крыльца. На перилах — Тимофей. Рядом с ним — небольшая фигура в ватнике и валенках, сторбленная, седая, сидит на перилах, свесив ноги. Домового видно. Не как тень. Чётко.

— Как? — сказал Дроздов. — Я его снимал. Я его в кадр не ставил. Он сам вошёл в кадр. То есть он не вошёл. Он там был. И...

— И что?

— И он в кадре — нормально. Не мутно. Не как привидение. Как живой. — Дроздов помолчал. — А потом я снимал его отдельно — вообще не получился. Только перила.

— Вот это, — сказал дракон, — очень хорошо.

— Почему?

— Потому что это доказывает, — сказал дракон, — что он не фотографируется отдельно. Он фотографируется вместе с домом. Он часть дома. Он не объект. Он атрибут.

— Дай сюда, — сказал Орлов.

Он посмотрел на фото. Долго.

Потом сказал:

— Хорошая фотография. В папку. К копии справки пятьдесят третьего.

— Хорошо, — сказал Дроздов и убрал телефон. Он был очень горд. Он не понял, за что именно.

Они вышли.

На лестнице Громобоев задержал Орлова.

— Майор.

— Я.

— В мэрии не говорите про домового до последнего. Говорите про наличник. Про пятьдесят третий. Про пожар. Про Мамина. Про семью. Про первого архитектора. Про историю квартала. Домового — потом. Последним.

— Почему?

— Потому что про наличник можно спорить. Про пятьдесят третий можно спорить. Про архитектора можно спорить. А про домового спорить нельзя. — Громобоев помолчал. — Про домового только решают.

— Понял, — сказал Орлов.

Он пошёл вниз.

Глава 5. Наличник

Мэрия стояла на площади Ленина, в старом здании с колоннами, выкрашенном в бледно-жёлтый цвет. Из-за жары колонны казались чуть липкими. Дроздов, идя по ступеням, сказал:

— Колонны как будто из сливочного масла.

— Не отвлекайтесь, — сказал Орлов.

— Я и не отвлекаюсь, — сказал Дроздов. — Я обстановку.

— Обстановку, — повторил Муромцев.

— Да.

— Обстановка, — сказал Муромцев, — это когда на площадке двенадцать лет никто не убирает и всё равно чисто. А это колонны.

— Понял, — сказал Дроздов.

Кабинет Кириллова был на четвёртом этаже, номер сорок один. Ждать пришлось двадцать минут. Секретарь — женщина лет пятидесяти, аккуратная, с двумя карандашами в причёске — вышла и сказала: «Проходите».

Кабинет был небольшой. Письменный стол. Два стула. Шкаф с папками. На стене — карта города. На карте — красным карандашом — отмечены площадки под снос. Пожарная, 11, была отмечена кружком. Кириллов поставил этот кружок сам. Ещё в апреле.

Кириллову было пятьдесят два. Он был в сером костюме и в галстук, и по нему было видно, что он в этом галстук ходит каждый день и давно перестал его замечать. Лицо у него было усталое и спокойное одновременно — как у человека, который привык, что ничего хорошего уже не будет, но работа всё равно должна быть сделана. Он встал, поздоровался за руку с каждым. На дракона посмотрел на полсекунды дольше остальных, но ничего не сказал.

— Садитесь, — сказал он.

Все сели. Муромцев — на стул, который жалобно скрипнул. Дроздов — на подоконник. Тимофея оставили в коридоре — Кириллов попросил. «Секретарь не

любит кошек». Секретарь, услышав это, посмотрела на кота, потом на Кириллова, потом на кота — и промолчала. Кот остался в коридоре. На стуле. Сидел.

— Слушаю, — сказал Кириллов.

Орлов коротко изложил: есть дом на Пожарной, 11, по документам пустой, по факту — не пустой, есть история, есть справка пятьдесят третьего года, есть семья Маминых, есть резной наличник, есть труба, есть окно, есть пожар пятьдесят третьего, и есть предложение — сохранить часть дома.

— Часть, — сказал Кириллов.

— Часть, — подтвердил Орлов.

— А именно?

— Первый этаж, одна квартира, участок с крыльцом, труба, окно с наличником.

Остальное — по графику. Сроки не срываем.

Кириллов откинулся в кресле.

— У вас справка? — спросил он.

— Вот.

Он прочитал справку. Медленно. Как человек, который читает не потому, что надо, а потому, что хочет понять.

Потом отложил.

— Значит, дом 11 — первый дом квартала.

— Да.

— Значит, все остальные — его копии.

— Да.

— А вы в курсе, — сказал Кириллов ровно, — что Пожарная, 14, снесли в двадцатом году?

— В курсе, — сказал Орлов.

— Я приезжал, — сказал Кириллов. — Стоял. Смотрел. Дом — четырнадцать — был такой же, как одиннадцать. Только наличник был не резной, а обычный. Потому что в четырнадцатом жил не Мамин, а Нестеров — слесарь.

— Я тогда не остановил, — сказал Кириллов. — Я тогда ничего не сказал. Потому что график. Потому что надо. Потому что так положено. И после этого я три года выписываю разрешения на снос того, что сам вырос вокруг. И каждый раз себе говорю: ну, это не четырнадцать. Это другое.

Он помолчал.

— А потом вы пришли с одиннадцатым.

— Почему одиннадцатый? — спросил он наконец. — Почему именно сегодня? Почему не в апреле, не в марте, не в двадцатом?

Орлов посмотрел на дракона.

Дракон посмотрел на Орлова. Потом — раскрыл папку.

— Потому что в апреле я не знал, что был в этом доме, — сказал дракон. — Я в нём был в пятьдесят третьем. Три дня после открытия. Я тогда подписывал акт приёмки. Я, как вы понимаете, этого не помнил. Мне напомнил сам дом. Вернее — сам домовой.

Кириллов моргнул.

— Кто?

— Домовой, — сказал дракон. — В доме живёт домовый. Фёдор Кузьмич. С пятьдесят третьего года. Он держит дом. Он разбудил людей при пожаре. Он сейчас в доме, и он не хочет уходить, но он готов на часть.

Кириллов посмотрел на Орлова.

— Это что, игра?

— Нет, — сказал Орлов.

— Майор.

— Нет, — сказал Орлов снова. — Мы его видели. Все. Следователь Синичкина, криминалист Кулибин, капитан Муромцев, старший лейтенант Дроздов и я. Полковник Громобоев тоже. И фотография есть.

— Фотография?

Дроздов уже вынул телефон.

Он положил его на стол.

На фото: перила крыльца Пожарной, 11. На перилах — серый кот. Рядом — небольшой сгорбленный человек в ватнике и валенках, сидит, свесив ноги, смотрит на закат. Не прозрачный. Не мутный. Просто сидит.

Кириллов смотрел на фото долго.

— Это кот, — сказал он.

— Да, — сказал Дроздов. — Кот наш.

— И этот рядом.

— Домовой.

Кириллов молчал.

Потом сказал — очень тихо:

— Мой отец рассказывал мне про такого. В моём детстве. Он говорил: «На Пожарной есть дом, который держит кто-то. Не убирай там ничего. Не переставляй. Не трогай». Я смеялся.

— Он умер в две тысячи одиннадцатом. Я не поехал на Пожарную. Я не проверил. Я тогда работал в другом районе, и мне было неудобно.

Он посмотрел на фото ещё раз.

— Это тот же дом.

— Да, — сказал дракон.

Кириллов встал. Подошёл к окну. Постоял. Обернулся.

— Проект, — сказал он. — Вы его мне на стол к пятнице. Я его вынесу на градостроительный. Комиссия — во вторник, третье число. До треть его надо провести экспертизу. Есть эксперт?

— Есть, — сказал дракон. — Мамин-младший, Новочеркасск. Он приедет.

— Он в возрасте?

— Восемьдесят два.

Кириллов на секунду закрыл глаза.

Потом открыл.

— Хорошо, — сказал он.

Он взял с угла стола красный карандаш. Вернулся к стене с картой. Снял кружок с Пожарной, 11. Один раз провёл черту — линию между одиннадцатым и одиннадцатым-бис. Такой, маленькой, которая уже не будет снесена.

— Всё, — сказал Кириллов. — Я подпишу.

Он сказал это ровно так, как говорит человек, который в последний момент передумал, и не собирается об этом жалеть.

Орлов встал.

— Спасибо.

— Майор.

— Я.

— Домового сфотографируйте отдельно. Для отчёта.

— Отдельно не получится, — сказал Дроздов.

— Почему?

— Он отдельно не фотографируется. Только с домом.

Кириллов посмотрел на фото.

Потом сказал:

— Тогда с домом. Но чтобы дом был виден. Не только кот.

— Понял, — сказал Дроздов.

Они вышли.

В коридоре их ждал кот. Он сидел на стуле, как и было велено. И — впервые за весь день — повернул голову к двери кабинета и посмотрел на неё долгим, спокойным, одобрительным взглядом.

«Договорились», — как будто сказал он.

Муромцев снял его со стула и понёс. Кот был доволен.

На крыльце мэрии, в тёплой медовой тени, Дроздов вдруг остановился.

— Александр Иванович.

— Что.

— У меня в телефоне ещё одно фото. Второе. Я его раньше не показывал.

— Почему?

— Не знаю. Просто не показывал. Оно тоже вчера — но не когда я снимал.

Когда вернулся к машине.

Он открыл телефон. Протянул Орлову.

На фото — крыльцо. Перила. Тот же дом. Тот же вечер. Тот же закат.

Но над крыльцом, в воздухе, тонким золотым контуром — стоял чертёж. Строгий. Тонкий. Как будто выведенный карандашом. Квартира первого этажа. Кухня. Печь. Труба. Окно с наличником. Всё, что нужно было сохранить.

И внизу, сбоку — маленькая подпись. Не читаемая на телефоне, но читаемая на глаз: «*Можно так*».

— Это он, — сказал Дроздов.

— Это он, — сказал Орлов.

— Он заранее знал, что мы договоримся.

— Он заранее знал, как надо.

— Что делать с фото?

Орлов подумал.

— В папку. Первым листом. Поверх справки пятьдесят третьего.

— Почему?

— Потому что это ставит всё на место, — сказал Орлов. — И потому что он был прав. Можно так.

Он пошёл к машине.

Кот — на руках у Муромцева. Громобоев — у машины, фуражка на месте, форма тесна, лицо красноватое.

— Договорились? — спросил Громобоев.

— Договорились, — сказал Орлов.

Громобоев кивнул.

И — впервые за всю серию — улыбнулся. Коротко. Одним углом лица. Как человек, который выдал ордер на снос и собирается его отозвать.

— Хорошо, — сказал Громобоев. — Поехали.

Они поехали.

Солнце шло к закату. Город Тихогорск жил, как всегда, и река шла, как всегда, и на Пожарной улице стоял дом, в котором горел свет, и в котором впервые за семьдесят один год свет — горел согласованно.

ЭПИЛОГ. Тетрадь и наличник

Через полтора месяца.

Дом на Пожарной, 11 стоял. Не весь. Первый этаж. Одна квартира. Кухня. Печь — та самая, что грела «не туда», — теперь грела куда надо: потому что по печи шёл настоящий дым, и дым шёл в трубу, и труба была та самая. Окно с резным наличником. Крыльцо. Половик.

Второй этаж был снесён. Аккуратно. По проекту. Без объяснительных.

На стену, у входа, прикрутили новую табличку. Металлическую. Строгую. На ней было выбито: «Дом 11 по улице Пожарной. Первый дом квартала. 1953 г. Жилой.» Внизу — мельче: «Охраняется городом».

Под табличку поставили маленькую вазу. Налили воды. Утром кто-то — неважно кто — бросил в неё полевую ромашку. Ромашка держалась.

В кухне сидел Фёдор Кузьмич на своём табурете. На плите свистел чайник. На полке стояли три кружки, одна с трещиной. В углу лежала тетрадь в клетку.

За окном шёл июль.

Синичкина сидела за столом напротив. С блокнотом. Писала.

— Фёдор Кузьмич.

— Да.

— Мне для отчёта. Скажите, вы сейчас как? Нормально?

Домовой посмотрел в окно.

— Нормально, — сказал он. — Я думал, будет хуже. Оказалось — можно так.

— Так — это как?

— Так, как сейчас, — сказал домовой. — Крыльцо есть. Труба есть. Окно есть. Наличник — резной, стоит. Тётя Тася... — он помолчал, — тёти Таси нет. Но она и так давно была одна тетрадь. Тетрадь есть. Мальчик Гера в тетради. Мамин, которого внук. Мамин сам. Дом стоит, какой стоит. Дальше — как пойдёт.

— А что будете делать дальше? — спросила Синичкина.

— Дальше? — Домовой подумал. — Дальше ничего. Дальше — жить. Впервые с пятьдесят третьего — жить без решения. Вы не поверите, следовательно, какое это облегчение.

Синичкина посмотрела на него.

Потом закрыла блокнот. Не стала писать. Просто закрыла.

— Хорошо, — сказала она.

Домовой кивнул.

— Чай?

— Давайте.

Он налил ей чаю. Взял свою кружку с трещиной. Сел напротив.

За окном — июль. В трубе — дым. В вазе — ромашка. На наличнике — резьба (солнце, волна, колос — три знака, три жизни). Ничего не происходило.

Это было лучшее «ничего не происходило» в сериале.

А в отделе номер семь на подоконнике стояли горшки.

Герань. Дубок. Клён. Склеянка с солёной водой. Банка с речной галькой.

И — впервые за серию — новый горшок. Маленький, терракотовый. В нём — земля. И в земле — тонкий зелёный росток. Никто не знал, что это за росток. Никто его не сажал.

Тимофей сидел рядом. Смотрел на росток. Уши у него стояли торчком. Хвост лежал спокойно, ровно, длинно.

Орлов подошёл к подоконнику.

Посмотрел на росток.

Посмотрел на кота.

— Тимофей.

Кот не отреагировал.

— Откуда росток?

Кот не отреагировал.

— Тимофей.

Кот повернул голову. Медленно.

Посмотрел на Орлова.

Орлов посмотрел на кота.

— Ладно, — сказал Орлов. — Принято.

Он подошёл к столу. Сел. Открыл новую папку. Написал на ней: «Дело 9. Пожарная, 11. Крыльцо, наличник, тетрадь».

Закрыв папку.

Положил её в шкаф.

Он был майор. Он был из отдела, который не пишет в бумагах слова «домовой» — потому что не надо. В отчёте он написал «в целях сохранения объекта культурного и бытового значения». Всё.

Это было правильно.

Это было точно.

Так и надо.

В шкафу папка стояла рядом с папками «Дело 8» — про русалку, и «Дело 6» — про дракона. Всё было рядом. Всё хранилось.

Тимофей отвернулся от окна. Спрыгнул с подоконника. Прошёл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.